

Мораль и политика

От редакции

В 2012 г. исследовательский коллектив¹ под руководством д.полит.н. С.П. Поцелуева выиграл грант РГНФ № 12-03-00401а на тему «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа». Первые результаты этого проекта с необходимыми методологическими комментариями публикуются в данном номере журнала «Политическая концептология» в рубрике «Мораль и политика». В данной статье, выполненной в соавторстве С.П. Поцелуевым и М.С. Константиновым, описана методология и базовые категории исследования. В статье В.П. Макаренко представлен подход к анализу взаимоотношений морали и политики с позиций политической концептологии. В статьях М.С. Константинова и В.И. Николаева реализован интегративно-когнитивистский подход к исследованию моральных фреймов политических идеологий феминизма и анархизма соответственно.

МОРАЛЬНЫЕ ФРЕЙМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ²

С.П. Поцелуев,
М.С. Константинов
Южный федеральный университет

Аннотация: В статье описывается категориальный аппарат и методология исследования моральных фреймов политических идеологий. Авторы предлагают интегрировать концептологический и фрейм-анализ с деятельностным подходом к изучению политических и моральных феноменов. В результате сформулированы базовые методологические положения и основные понятия интегративно-когнитивистского подхода.

Ключевые слова: мораль, политика, идеология, методология, деятельностный подход, фрейм, концепт.

¹В состав коллектива, кроме руководителя проекта, вошли следующие учёные: д.филос.н., д.полит.н., проф. В.П. Макаренко, д.филос.н., доц. Т.В. Беспалова, к.полит.н. М.С. Константинов, асп. Н.В. Николаев.

²Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа», проект № 12-03-00401а.

Традиционно взаимоотношения между моралью и политикой рассматриваются как отношения между параллельными, внешними друг к другу «мирами», конфликтные противоречия между которыми приходится разрешать в политической практике. Из этой посылки следует ключевой вопрос дискуссий по проблеме «мораль и политика», который обычно формулируется следующим образом: «Как, на каких условиях, в каком виде политическая практика должна принимать к сведению моральные аргументы и в какой мере она должна (и может) опираться на них?»³. Если не принимать во внимание сугубо инструменталистский подход⁴, представляющий политику как этически нейтральную сферу и потому нерелевантный для настоящей работы, то можно выделить три базовых ответа на данный вопрос, как они обозначились в истории политической мысли:

- традиционный нормативистский подход к политике. Он отталкивается от идеальных представлений о морали (как сферы «чистых значений»⁵), рассматривая политическую мораль как проекцию универсальных этических норм на политическую практику;

- деятельностный подход, исследующий способы вхождения морали в мотивацию и целеполагание политического действия⁶. В рамках данного подхода политическая деятельность не оценивается с точки зрения соответствия абстрактным моральным нормам, но морально ориентированное действие политических акторов представлено в качестве конституирующего саму политическую реальность;

- концептологический подход, акцентирующий способы становления и функционирования базовых концептов политических идеологий и их воплощения в политических институтах и практиках⁷.

Однако во всех перечисленных подходах обычно упускается из виду, что сам вопрос о «вхождении» моральных аргументов в политическую практику идеологически контекстуален, то есть ставится, осмысливается и решается по-разному, в зависимости от того идеологического контекста, в котором он артикулируется. Действительно, если в качестве исходной принять идею Б.Г. Капустина о необходимости изучения того, каким образом моральная проблематика «встроена» в политическую практику и конституирует политическую деятельность, то это исследование с необходимостью будет включать анализ способов моральной мотивации и целеполагания политического действия, которые есть функция политических идеологий⁸. Это, в свою очередь, ставит перед исследователем задачу разработки ин-

³Прокофьев А.В. Место и характер моральных аргументов в политической практике (идея «моральной нейтральности» публичной сферы и её альтернативы) // Этическая мысль. Вып. 6. — М.: ИФ РАН, 2005. — С. 141.

⁴Обычно выделяют два противоположных варианта ответа на этот вопрос: — нормативистский подход, расширяющий нравственный закон на всех представителей рода человеческого и все виды человеческой деятельности, включая политику; и — инструменталистский, разводящий сферы морали и политики по причине «искусственности» первых и необходимости следовать императиву функциональности последней. По мнению представителей последней точки зрения, более важное, чем нравственные качества политиков, значение имеет механизм системы политических институтов для разрешения социальных конфликтов. Ключевым отличием политической сферы от моральной полагается насилие в качестве атрибутивного признака политики, как сферы реализации властных отношений.

⁵См., например: Höfle V. Über das Verhältnis von Moral und Politik // Höfle V. Moral und Politik. Grundlagen einer politischen Ethik für das 21. Jahrhundert. — München: Beck, 1997. — S. 94—125. Публикация перевода этой работы Витторио Хёсле планируется в следующем номере журнала «Политическая концептология».

⁶См., например: Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. Учебное пособие. — Москва: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. — 496 с.; Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000. — 437 с. и др.

⁷Подробнее см. в статье В.П. Макаренко «Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода» в настоящем номере журнала «Политическая концептология».

⁸Косвенно это признаёт и сам Б.Г. Капустин: «...Конечно, под „принципами“ можно понимать только повторяющиеся элементы нравственных оценок, т. е. использование самих категорий должного и недолжного, добра и зла и т. д., и на этом основании рассуждать об „общности принципов“. Но тогда... это понятие невозможно без его содержательной и логической конкретизации. Логическая конкретизация подразумевает выяснение свя-

тегративно-когнитивистского подхода, сочетающего деятельностный подход к феномену политической морали⁹ с анализом когнитивно-концептуальной и аксиологической структуры различных политических идеологий.

Подобный подход предполагает исследование моральных фреймов, определённым образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. С другой стороны, интерпретация и, соответственно, модификация базовых концептов политических идеологий, ограничены ассоциированными с концептами моральными фреймами¹⁰. На этой своеобразной диалектике строится специфическая — интегративная — трактовка политической идеологии, акцентирующая когнитивно-концептуальные и аксиологические её функции в рамках деятельностного подхода к анализу данного феномена. Суть этой трактовки состоит в следующем.

Для любой идеологии большое значение имеет восприятие главных её постулатов и ценностей массами людей, т. е. отражение базовых идеологических концептов в массовом сознании. Это особенно важно в процессе пролиферации идеологий в конкурентном политическом пространстве. Именно в этом — когнитивно-концептуальном поле — разворачивается противостояние пропаганды и контрпропаганды, различных форм воздействия на сознание потенциального сторонника/избирателя и манипуляции им. Так, если образ анархиста в массовом сознании прочно ассоциирован с терроризмом и другими формами нелегальной деятельности, тогда вряд ли анархистская идеология приобретёт большое число сторонников, способных стать значимой политической силой.

Обычно критики идеологии ограничиваются фиксацией этой манипулятивной природы идеологических феноменов, абстрагируясь от смыслополагающих их функций, положенных в основу мотивации политической деятельности. Характерным для подобной критики является постулирование разрыва между «объективной» политической реальностью, и преломлением различных её аспектов в сознании под «искажающим» воздействием идеологии. Этим обусловлено приписывание идеологии некоему «ложному» сознанию, противопостав-

зи элементов нравственных оценок, а многообразие схем таких связей и ведёт к появлению разных „моделей“ нравственной рациональности... Содержательная же конкретизация необходима потому, что никакие мыслительные процедуры не могут быть полностью свободны от „материи жизни“..., как она дана разным общественным группам, — в противном случае терялся бы плюрализм „конститутивных“ политических позиций, а связанная с ними политическая мораль переставала бы быть *политической*» (см.: Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике... — С. 273).

⁹Вполне удовлетворительным представляется определение политической морали, предложенной Стивеном Льюксом и уточнённое Б.Г. Капустиным: под политической моралью подразумевается «совокупность принципов, описываемых на весьма абстрактном уровне, которые лежат в основе различных частных политических позиций, занимаемых теми, кто разделяет эти позиции одновременно или в разное время. Они... являются „конститутивными“: это — те „политические позиции, которые ценятся сами по себе“, так что „любая неудача в обеспечении такой позиции или снижение уровня её обеспеченности равнозначны (для группы, занимающей эту позицию, — Примеч. Б.Г. Капустина) *pro tanto* понижению ценности всего политического устройства“. Производные позиции, напротив, ценятся лишь как стратегии или средства для обеспечения конститутивных позиций» (цит. по: Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике... — С. 272). Б.Г. Капустин добавляет к этому, что «для политики нет предпосланного ей „морального консенсуса“» (там же, с. 274) и по этой причине возникает необходимость говорить о различных моделях нравственной рациональности, которые, добавим от себя, идеологически контекстуальны.

¹⁰Например, возможности интерпретации и, соответственно, содержание концепта «свобода» будут по-разному ограничиваться в различных политических идеологиях, в зависимости от моральных фреймов, ассоциированных с данным концептом: в классическом консерватизме представление о свободе индивида ограничено (в числе прочих) традиционным убеждением, запрещающим убийство себе подобных, из чего логически следует частный запрет на аборт; а в либертарианстве подобная жёсткая ассоциация отсутствует, из чего следует право женщины на собственное тело и, соответственно, право на аборт.

ляемому сознанию «истинному», т. е. формируемому под воздействием «истинной» научной теории. При этом открытым остаётся вопрос об онтологическом статусе как самой «объективной» реальности, так и научной теории, эту реальность описывающей. Не отрицая, в целом, известную справедливость подобной критики, более адекватным представляется деятельностный подход к феномену идеологии, разрабатываемый в отечественной политологии Б. Г. Капустиным. В рамках данного подхода идеология понимается функционально в качестве символической системы, опосредующей социальную действительность и производящей смыслы и идентичности действующих (коллективных или индивидуальных) акторов¹¹.

Но для того, чтобы идеология была способна реализовывать свои функции¹², знание о мире и самих себе должно быть организовано в концептуальные системы, связывающие уровень повседневных взаимодействий с ценностно-символической структурой идеологии. При анализе подобных концептуальных систем в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, в исследованиях по искусственному интеллекту используется теория фреймов, получившая развитие в трудах М. Минского¹³, И. Гофмана¹⁴, Т. А. ван Дейка¹⁵ и др.¹⁶

Исходным постулатом этой теории является тот факт, что «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ)..., с таким расчётом, чтобы путём изменения в ней отдельных деталей сделать её пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов»¹⁷. Подобные структуры данных, или единицы знания для представления стереотипной ситуации¹⁸, называются фреймами. Структурно фреймы организованы вокруг определённого концепта: «...В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом»¹⁹.

Концепт в таком контексте выступает в роли «основной ячейки культуры в ментальном мире человека»²⁰, т. е. «„пучка“ представлений, понятий, знаний, ассоциаций,

¹¹Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? (II) // Полис. — 1997. — № 1. — С. 152; см. также Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур. — Москва: РОССПЭН, 2004. — С. 225—267.

¹²В качестве таковых функций Б.Г. Капустин обоснованно, на наш взгляд, выделяет следующие: а) смыслообразование действительности (обеспечение „понятности“ ситуации... для данного „мы“ и через это — обоснование его политического действия); б) интеграция „мы“ в политический субъект посредством экспликации, систематизации, обоснования убеждений, ценностей, символов, присущих данному „мы“, превращения их из достоинства частных лиц в явление публично-политической жизни, чем достигается формирование идентичности политического субъекта; в) выработка — в той или иной мере формализованных — каналов коммуникации внутри данного политического субъекта (утверждение некоторого набора „ключевых“ символов и знаков, позволяющих составляющим „мы“ людям узнавать друг друга и общаться посредством манипулирования этими символами и знаками); г) легитимация или делегитимация некоторых форм власти, уже существующих и господствующих, либо только возникающих и оспаривающих имеющийся режим господства». См.: Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? (II)... — С. 152.

¹³Минский М. Фреймы для представления знаний. — Москва: Энергия, 1979. — 152 с.

¹⁴Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — Москва: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.

¹⁵Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.

¹⁶Между представителями теории фреймов существуют важные различия в понимании фреймов, их функций, способов изменения и т. д., нерелевантные для настоящей работы.

¹⁷Минский М. Цит. соч. — С. 7.

¹⁸Там же.

¹⁹Ван Дейк Т.А. Цит. соч. — С. 16.

²⁰Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — Москва: Языки русской культуры, 1997. — С. 41.

переживаний»²¹ и т. д. Применительно к политическим идеологиям, принципиальным является отличие концепта от понятия. «В отличие от понятий в собственном смысле термина..., — замечает Ю.С. Степанов, — концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений»²². Невозможно понять всю мощь влияния политической идеологии на умы людей, если упускать из виду взаимосвязь фреймов с базовыми концептами идеологии: фреймы организуют представления людей об актуальном и потенциальном поведении «своих» и «чужих», и связывают эти представления с долженствованием в виде основных концептов идеологии.

С учётом упомянутых выше (по Б. Г. Капустину) функций идеологии, можно сказать, что в рамках идеологических систем фреймы решают следующие задачи.

1) Фреймирование политической реальности посредством создания или трансформации уже существующих фреймов²³. Фреймы существуют для ориентации в политическом пространстве²⁴. Так, если индивид принимает утилитаристский фрейм о принципиальном эгоизме человека, выражающийся в утилитарно-либеральной догме о преследовании собственных интересов, он будет подгонять под этот фрейм и всё своё восприятие политических субъектов; даже самым искренним и бескорыстным побуждениям участников политики он будет приписывать корысть и коварство. И наоборот: если человек основывает своё восприятие мира политики на христианских моральных максимах самопожертвования и любви к ближнему, то он, видимо, будет склонен наделять участников политики такими же качествами; а когда реальность его будет разочаровывать, он будет мечтать о «морально чистых» и достойных политиках, которые либо были в прошлом (миф), либо будут в будущем (утопия).

2) Фреймы, описывая специфику поведения сторонников идеологии, способствуют формированию некоего «мы», с которым субъект идентифицирует себя или которому он себя противопоставляет²⁵. В частности, расхожее утверждение «феминистки хотят стать на равных с мужиками»²⁶, поэтому и ведут себя, как мужики²⁷» определённым образом маркирует и стигматизирует участников политики, задавая возможности идентификации индивида в качестве сторонника/противника (анти)феминистского движения.

3) Однако в идеологиях гораздо более важным представляется особый вид фреймов — моральные фреймы, в которых когнитивное содержание имеет функцию долженствования. Этим фреймам также свойственны функции ориентации и идентификации²⁸, однако они приобретают здесь важную компоненту мотивации политического действия. Ведь сами по себе

²¹Там же, с. 40.

²²Там же, с. 41.

²³Ярким примером такого рода является транспонирование (термин И. Гофмана, хотя и адаптированный применительно к сфере политики; см.: Гофман И. Цит. соч. — С. 102, 140) фреймов из одной сферы, к примеру, из частной сферы отношений между матерью и ребёнком («материнская забота») в сферу публичной политики (в виде «этики заботы»). Подробнее см. статью Константинова М.С. «Этика заботы в феминистской политической философии» в данном номере журнала «Политическая концептология».

²⁴По аналогии с ориентацией в пространстве, например, в комнате, как это описывается у М. Минского (см.: Минский М. Цит. соч. — С. 22—33). Индивид усваивает такие фреймы, как «либералы — это такие-то и такие-то», «консерваторы выступают за то-то и то-то» и ориентируется с помощью этих фреймов в политическом пространстве.

²⁵Подобные допущения не всегда артикулируются и ещё реже происходит их осмысление на концептуальном уровне. Но если человек, публично позиционирующий себя в качестве сторонника классического консерватизма, вдруг в своём поведении демонстрирует признаки, характерные для поведения представителей сексуальных меньшинств, выступая за легализацию гомосексуальных браков, он выглядит, по меньшей мере, странно. Другими словами, в рамках идеологии фреймы «определённым образом организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей...» в сфере политики (см.: Ван Дейк Т.А. Цит. соч. — С. 17).

²⁶В первой части этого высказывания выявляется концепт равенства.

²⁷В этой части высказывания говорится о совокупности фреймов, ассоциированных с базовым концептом.

усвоенные индивидом характеристики носителей той или иной идеологии, а также их целей, не могут привести к политическому действию. Для того, чтобы когнитивное отношение трансформировалось в политическую практику, необходимо превращение «морали-как-оценки» в «мораль-как-мотив и форму цели»²⁹, а именно, в виде конфликта между реальностью и представлениями индивида о должном. Политическая идеология не только ищет себе сторонников, но и подвигает их на определённые политические действия. Наиболее ярко эта функция иллюстрируется случайно выбранными из российского сегмента Интернета высказываниями: «настоящий патриот жертвует жизнью за Родину»; «истинный русский не знает седины и всегда идёт до конца»; «мужчина — это тот, кто умеет брать ответственность на себя»; «настоящая женщина заботится о близких» и т. д.

4) Поэтому моральные фреймы очень удобно использовать в политической борьбе, навешивая ярлыки аморальности на своих противников, и одновременно позиционируя своих сторонников в морально выгодном свете³⁰. Лишь в этом аспекте можно говорить о манипулятивных функциях моральных фреймов политических идеологий.

5) И, наконец, именно фреймы, маркируя и стигматизируя участников политики, вырабатывая специфический язык, создают каналы коммуникации между ними. Результаты исследований в когнитивной лингвистике свидетельствуют, что «существует особый язык, выражающий мораль, санкционирующий специфический способ отношений между людьми, отличный от иных типов нормативной регламентации межличностных связей, складывающихся в сфере общепринятых обычаев, права, политики и т. д. Мораль, как форма общественного сознания и вид общественных отношений, получает свою экстерииоризацию через язык и вербализованное содержание»³¹.

На этой теоретико-методологической базе в рамках поддержанного РГНФ проекта «Моральные фреймы современных политических идеологий: опыт интегративно-когнитивистского анализа» (грант № 12-03-00401а) авторским коллективом под руководством д.полит.н. С.П. Поцелуева планируется исследование моральных фреймов, ассоциированных с ключевыми концептами основных политических идеологий современности: либерализма, консерватизма, марксизма и социализма, коммунитаризма, экологизма, феминизма, национализма и анархизма. С первыми результатами этого исследования можно ознакомиться на страницах данного и последующих номеров журнала «Политическая концептология».

²⁸В виде классического противопоставления: «их мораль и наша» (см.: Троцкий Л.Д. Их мораль и наша // Вопросы философии. — 1990. — № 5. — С. 105–126).

²⁹Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике... — С. 247.

³⁰Ярчайший пример — «женская этика заботы» в феминизме, противопоставляемая «мужской этике справедливости».

³¹Звада О.В. Мораль в языке и лексические единицы, выражающие содержание фрейма «morality» // «Magister Dixit» — научно-педагогический журнал Восточной Сибири. — 2012. — №. 2 (06).